

Г. В. ТАВЛАЙ

*Петрозаводская государственная консерватория (академия)**им. А. К. Глазунова*

УДК 78.072

Е. В. ГИППИУС – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Начальный этап в изучении песен Белорусского Полесья связан с реализацией неразрывного научного потенциала Евгения Владимировича Гиппиуса и Зинаиды Викторовны Эвальд. Возрождение интереса Е. В. Гиппиуса к культуре этой локальной традиции, к «делам минувших дней», их новому осмыслению по прошествии более сорока лет обусловлен исследованиями белорусского этномузыковеда З. Я. Можейко, сопоставившей в своей диссертации, выполненной под его руководством, собственные записи 1960-х годов с материалами из села Тонеж – наследием З. В. Эвальд.

Необходимой предпосылкой развития любой отрасли знания Гиппиус считал, всегда реализуя её в собственном творчестве, «обстоятельную осведомлённость современных исследователей в том, что сделано ... представителями предыдущих поколений». Обязательными для становления истории науки установками не зря полагал ориентацию на разностороннюю информацию о деятельности каждого учёного, оставившего след в отечественной науке о народной музыке «со стороны её положительных результатов», освещение вклада в данную научную область, осознание всех способствующих этому вкладу «общественных и личных фактов и факторов, воздействие господствующих теоретических тенденций ... с учётом степени изученности объекта исследования» в соответствующее деятельности учёного время [9, с. 109–110].

Белорусская культура вошла в круг интересов Евгения Владимировича достаточно рано, уже в первый, довоенный ленинградский период его деятельности. В целом этот период можно охарактеризовать как время поисков максимально точной записи, документации народной музыки, а также как период выявления музыкальных диалектов преимущественно на территории европейской части СССР. Эти диалекты учёный дифференцировал по географическому принципу, главным образом по бассейнам рек: сначала – Пинеги, Мезени, Печоры, а затем и Припяти. Впоследствии именно эти исследования заложили начала *музыкальной ареалогии*. Исследование белорусских материалов становится для Гиппиуса полигоном для выработки методологии *этнографической систематизации* народных песен. В дальнейшем это направление работ учёного реализовалось в *сравнительно-типологическом изучении песенных систем*,

типов многоголосия, мелодических стилей традиционной музыки славянских, финно-угорских, тюркских народов в их историческом развитии. Методологию исследований Гиппиуса этого периода можно обозначить как сочетание господствующей в то время исторической ориентации с интересом к некоторым универсальным психосоциальным факторам.

В одной из поздних своих работ Гиппиус писал, что в различных системах, к числу которых в полной мере относятся и *доступные* опытному познанию *местные стили*, и многообразные их сочетания на более высоком иерархическом уровне – в более крупных географических ареалах, и искомые, но, что весьма существенно, *недоступные опытному познанию общенациональные и межнациональные стили*, различны не только системы компонентов и их отношения, но часто и сам централизующий компонент, который определяет систему как таковую [5, с. 36]. Выявление подобного компонента на полесском песенном материале стало его задачей и одновременно – опытным полем для постановки проблемы местных стилей.

Как следует из дискуссий, участником которых уже в более позднее время бывал Е. В. Гиппиус, к формальным построениям он относился достаточно прохладно, оставаясь при этом признанным основателем «альтернативно-музыкального» (очевидно, в пику лингвистическому) структурно-типологического направления в его наиболее завершённой форме, разрабатываемого в дальнейшем самостоятельно московскими учениками и коллегами учёного в Российской академии музыки им. Гнесиных (Б. Ефименковой, М. Енговатовой и др.). Непосредственная участница этих полемических бесед А. Чекановска утверждает, что Евгения Владимировича не удовлетворяла чрезмерная сосредоточенность на сугубо абстрактных значениях в разработке собственно «музыкальной технологии» (проблемы лада, ритмики). «Ведь предметом нашего исследования является музыка. А в ней эмоциональное содержание очень важно», – часто повторял он (цит. по: [14, с. 27]). В предисловии к сборнику А. Н. Аксёнова «Тувинская народная музыка» Е. В. Гиппиус отмечал, что автору во многом удалось преодолеть установившуюся в музыкальной фольклористике порочную практику обособленного изучения «отдельных элементов» народной мелодики и народного песенного стиха вне их

живой органической взаимосвязи и взаимодействия в песенном искусстве. Практика эта, укоренившаяся в позитивистской науке и подменявшая термин «музыкально-выразительные средства» формалистическим термином «элементы музыки», открыла широкую дорогу для бесперспективного абстрактного теоретизирования» [1].

Гиппиус, безусловно, ценил формальные методы, но прекрасно сознавал их ограниченность. Первостепенным для него всегда оставалось глубокое вхождение в культуру в её естественных проявлениях, а единственно плодотворным методом художественного познания народной песни на протяжении жизни учёного было «только её непосредственное слуховое восприятие в живом народном исполнении в типичных для песни народно-бытовых условиях» [8] с полным учётом богатства вариантов, а на последующих этапах работы – правильное их воссоздание в нотной графике как одной из визуальных реализаций аналитического метода. Исходными моментами аналитической концепции Е. В. Гиппиуса стали данные анализа системных видов периодических структур песен самых разных народов, нацеленность на выявление типологических закономерностей музыкальной и стиховой ритмической композиции, координированных в строгом ранжире. В разные периоды жизни Гиппиус нотировал народную музыку по разным принципам. Его метод складывался постепенно и отнюдь не отождествлялся лишь с графическим способом изложения. Окончательно он был разработан в послевоенные годы, делая зримым формульный мелотип, его слога-ритмическую, звуковысотную модели, демонстрируя процесс музыкального формотворчества, выявляя сегменты повторности и обновления в процессе *живого слышания*, тщательного слухового анализа. Этот метод способствовал в конечном итоге раскрытию закономерностей национального музыкального стиля и формы в той или иной локальной их реализации. Аналитические слуховые процедуры, такие, как наблюдение, исследование, обобщение, на что обратил внимание Б.С. Луканюк [10, с. 70], составляют здесь важный первоначальный этап всей дальнейшей работы.

Ещё и в наши дни существует точка зрения, что наука о музыкальном фольклоре зиждется прежде всего на постижении нотаций – структур, отвечающих критерию качественной информации, формализованных в нотной графике [18, с. 24–25, 31]. Сохраняя в неизменности высказанную в молодые годы убежденность в необходимости изучения народнопесенной культуры по её звучащим образцам, Е. В. Гиппиус на одном из заседаний Фольклорной комиссии СК СССР 1973 года обратился к В. Л. Гошовскому с вопросом: «Так Вы каталогизируете песни или нотные записи?» Затем последовало его же разъяснение о различии подходов разных расшифровщиков, о разном слышании ими одной песни и даже о вхождении

впоследствии такой песни в разные классификационные группы¹.

Для многих ныне именитых исследователей народной музыки Е. В. Гиппиус остаётся незабвенным Учителем. Благодаря работе с учениками Гиппиус соприкасался с исследуемыми ими культурами постоянно. Каждый из разноэтнических трудов (сборников, монографий, диссертаций), которые он редактировал, не похож на предыдущий, как не похожи культуры, в них представленные. Общее для них всегда – *совершенство документации и систематизация* на базе закономерностей конкретного материала. Его подход близок к индуктивным методам исследования – учёный был сторонником соблюдения всех исследовательских процедур: от точной записи до соответствующей интерпретации.

«Выдающийся учёный», «блестящий мастер записи народной музыки», «один из лучших знатоков музыкального фольклора», «в постоянном общении с живой народномузыкальной средой – с “умельцами” и мастерами выработавший в себе тип учёного, абсолютно лишённого даже тени “кабинетности”, отвлечённо-умозрительной предвзятости», «чуткий историк и теоретик», характеризующийся «меткостью наблюдений, зоркостью постижения ... виден в постоянном раскрытии стадийности наблюдаемых им явлений и процесса образования стилей и форм», «на данном этапе – мой единственный проницательный наследник», – так характеризовал Е. В. Гиппиуса его учитель Б. В. Асафьев в 1948 году [2, с. 30–31, 33]. Гиппиус удивительным образом сочетал в себе живую «интонационную неуловимость» асафьевской школы и математическую точность в фактологии – уже как истинный апологет немецкой науки. Многоплановый характер интеллекта, склонность к системности мышления, феноменальный багаж личных слуховых знаний позволяли ему улавливать в культуре каждого народа те выразительные качества, те системные закономерности, которые определяют её самобытность².

Работа с полесской песенной традицией, особенности её транскрибирования вполне соотносимы с формулируемыми им же чуть позже идеями о народной песне как «особом типе высокой художественной культуры», особом виде творческого мышления с присущим ему методом «творчества-производства», основанном на «творческом изменении посредством переработки деталей», на «культивировании мастерами импровизации» стремления «сознательно изменить качество художественного явления посредством целого ряда художественных приёмов, которыми они обычно располагают», такими, в частности, как «высоко развитая музыкальная орнаментация в сольной музыке и культура импровизации подголосков в ансамбле» [6, с. 74–75, 79]. Увлечение формальными аналитическими концепциями в этномузыкологии, стремление выдать «на гора» одну, максимум две пе-

сенных типизированных строфы в публикациях, вбирающих в себя, якобы, всё реальное многообразие вариантов, невнимание к явлению вариантных преобразований песенных строф песни в интерпретации мастеров на долгое время свело «на нет» теоретические наработки и практические усилия Гиппиуса. Его слух был уникальным и вызывал в этом плане особый интерес акустиков. В собственных транскрипциях, намного опередивших своё время, он отображал эти изначальные, определяющие качества народной музыки, теоретически осознал их как одну из основ песенной этномузыкологии.

Вся деятельность именитой в истории отечественной науки «музыковедческой группы» – так обозначал своё творческое содружество с Эвальд много позже сам Гиппиус, осуществлялась совместными усилиями, общими были и проблемы, их волновавшие. Евгений Владимирович вспоминает, что в 1-й комплексной экспедиции по изучению искусства Русского Севера 1926 года, как и в двух последующих (1927, 1928), их группа отделилась для самостоятельной разведки сёл, лежащих выше Суры и по притоку Пинеги – реке Вые. Пятилетний цикл северных экспедиций стал началом их общей с Эвальд этномузыковедческой специализации. В 1926–1927 годах, ознакомившись с современной западноевропейской литературой по *сравнительному музыкознанию* (именно в этой сфере Гиппиус поначалу совершенствовался, сохраняя живой интерес к культурам мира в течение всей дальнейшей жизни и всегда имея склонность к компаративистике) и, в частности, с отчётами Роберта Лаха о записи песен от русских военнопленных, «мы, – вспоминает много позже Гиппиус в статье об Эвальд, – остро почувствовали недостаток наших знаний в области музыкального фольклора всех других народов СССР, прежде всего финно-угорских, в те годы ещё очень мало изученных. Это побудило нас начать с 1927 года стационарную собирательскую работу в Ленинградском институте народов Севера и в Ленинградском институте народов Востока по звукозаписи образцов музыкального фольклора финно-угорских, тюркских, палеоазиатских народов русского Севера и Сибири, сделанных с голосов студентов: обских угров, эвенков, нанайцев, ненцев и др., работу, продолжавшуюся вплоть до 1935 г.» [4, с. 12]. Записи полесских материалов, таким образом, проходили почти параллельно с вышеназванной работой. В течение всей жизни Е. Гиппиус, свободно владевший несколькими иностранными языками, находился в переписке с К. Заксом, Б. Бартоком, К. Квиткой, О. Эльшеком, Э. Штокманом, Ц. Рихтманом, А. Чекановской, Я. Стэншевским, Л. Белявским, П. Богатырёвым, Х. Тампере, Б. Шароши, Э. Славюносом, Я. Чюрлионите, Л. Мухаринской и многими другими этномузыкологами. Формирование личности Гиппиуса-учёного совпало с эпохой становления и развития в Европе сравни-

тельного музыкознания. Он и Эвальд стали яркими его представителями, испытав воздействие идей К. Закса, М. Шнайдера, Э. М. Хорнбостеля, А. Шеффнера, Г.-Г. Дрегерера. Впоследствии эти идеи воплотились в их собственных работах (см.: [11]).

Под эгидой созданной по инициативе Гиппиуса и Эвальд в 1927 году Музыкально-этнографической комиссии Ленинградской государственной консерватории в 1927 и 1928 годах были организованы их совместные поездки под руководством профессора Х. С. Кушнарёва в Армению. В 1928 году состоялась также экспедиция в Узбекистан – в окрестностях Самарканда Гиппиусом и Эвальд были записаны образцы эпоса об Алпамыше, недалеко от старой Бухары – цикл макамов, в районе Ферганы – бытовые песни. Звукозаписи полевых материалов этих экспедиций хранились в двух возглавляемых Гиппиусом фонограммархивах – в Институте истории искусств и Ленинградской консерватории. В 1931 году они были переданы в Институт антропологии и этнографии АН СССР, с 1938 года по сей день находятся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме).

С осени 1928 года Б. Асафьев читает в Институте ежегодный курс историографии русской народной песни, прослушанный Гиппиусом и Эвальд. В 1927–1928 гг. Эвальд пишет первые свои работы по русской народной музыке: «Протяжные песни Заонежья» (1927) и «Свадебная песня на Пинеге» (1928). Гиппиус выступает как автор книг «Крестьянская музыка Заонежья» и «Культура протяжной песни на Пинеге». Эти исследования *очень близкой проблематики* были опубликованы в сборниках «Крестьянское искусство СССР» – в первом и втором его выпусках. В следующее десятилетие – в начавшиеся 30-е годы З. В. Эвальд подготовила к печати шесть сборников из серии «Музыка народов СССР» (песни белорусские, удмуртские, марийские, чувашские, карельские, коми). Только одно из этих собраний – «Белорусские народные песни» – увидело свет в 1941 году, выйдя тиражом всего 750 экземпляров [13]. Сборник 1940 года [19] оставался практически недоступным, хотя исторически это была первая публикация белорусских песен, выполненная по *фонографическим записям*.

Ещё в предвоенные годы Белорусская Академия наук поручила Е. В. Гиппиусу и З. В. Эвальд музыкальное редактирование готовящегося к изданию трёхтомного издания «Песні беларускага народа». Его первый том, составленный известным белорусским этнографом М. Я. Гринблатом, и был опубликован в 1940 году. Рукописи двух других томов погибли в годы войны. Изданию предшествовало серьёзное экспедиционное обследование комплексной экспедицией АН СССР и АН БССР (1932, 1934) двух районов Центрально-Белорусского Полесья. Фольклорную группу экспедиции 1932 года возглавили М. Я. Гринблат и З. В. Эвальд. Членами экспедиции Институ-

та этнографии АН СССР 1934 года стали Гиппиус и Эвальд. Таким образом, отправлялась в Белорусское Полесье известная «музыковедческая группа» не по наитию, а по заданию.

Издание 1940 года, ставшее библиографической редкостью, имело методологическую направленность и включало в себя как песенные материалы, так и теоретические статьи. В него вошли обобщающие работы классиков отечественной этномузыкологии: *совместная статья* Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «Замечания о белорусской народной песне»; исследование К. В. Квитки «Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен»; работа В. М. Беляева, озаглавленная им как «Справка о белорусских народных музыкальных инструментах». Эти исследования давно стали обязательными в курсе истории как белорусской, так и всей отечественной этномузыкологии.

Сам тип издания *исследовательского монографического сборника*, выполненного на основе полевых авторских записей в разработанной Гиппиусом *аналитической нотации* с систематизацией напевов и вступительными статьями, во многом откристаллизовался на белорусском материале. В дальнейшем такой тип публикаций стал методологически важным, преобладающим в разных республиках СССР, в независимых государствах на постсоветском пространстве, в том числе – в Беларуси.

В те же годы (1938) увидел свет отредактированный *совместно Гиппиусом и Эвальд* сборник «Народные песни Вологодской области». В него вошли нотации звукозаписей В. Великанова, Ф. Рубцова и Е. Линёвой. Как видим, одновременно с белорусскими исследованиями «музыковедческая группа» продолжала вести *сообща* другую разнообразную работу, обретая слуховой и аналитический опыт общения с традиционными материалами большого числа непохожих одна на другую этнических культур.

Труд З. В. Эвальд «Песни белорусского Полесья» (Под редакцией Е. В. Гиппиуса; составление и текстологическая подготовка к печати З. Я. Можейко; редакция белорусских текстов М. Я. Гринблата) вышел в свет только в 1979 году в Москве в издательстве «Советский композитор» [16]. Сборник содержит нотации полевых звукозаписей традиционных и современных песен, выполненных самостоятельно З. Эвальд в 1932 году (17 записей), а также совместные – её и Е. Гиппиуса полевые материалы 1934 года из Туровского и Петриковского районов Полесской (с центром в Мозыре), ныне Гомельской области (41 из общего числа 80 таких песен в названном переиздании). В собрание включен ряд записей, выполненных в 1938 году в тогдашних Паричском, Глусском и Мозырском районах Ф. А. Рубцовым (18 песен) и М. Я. Гринблатом (4 песни). В сборник вошли свадебный наигрыш на скрипке (№ 20, с. 65) и – в качестве приложения – песенный наигрыш на

дудзе (волынке), осуществлённый в 1931 году в Ленинграде (от дударя Г. К. Славчика из Городокского района Витебской области) Эвальд и Гиппиусом в нотации Гиппиуса. Пять из общего числа 80 песенных образцов взяты из издания 1941 года, 36 – из сборника 1940 года. 40 ранее не публиковавшихся нотаций сделаны Гиппиусом совместно с З. Можейко по черновым нотировкам Эвальд – они заново выверены по фонограммам, хранящимся в Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом). Песни систематизированы по историко-стилевому и функциональному принципам, но без подразделения на жанровые группы в оглавлении. Вначале даны типовые напевы с групповым прикреплением текстов – календарные и семейно-обрядового циклов, затем – примыкающие к ним формы раннетрадиционной лирики (баллады, семейно-бытовые песни). Следующий раздел составляет необрядовая лирика более позднего исторического слоя в многоголосных и одноголосных вариантах. Затем представлены песни плясового и частушечного характера, песни литературного происхождения и песни гражданской войны.

В этом собрании, получившем широкую известность с громадным опозданием в 45 лет, напечатаны также два очерка З. Эвальд. К работе над ними Зинаида Викторовна приступила в начале 1930-х годов. Их содержание должно было составить первую главу планируемой ею диссертации «Песни белорусского Полесья». Первый из очерков со знаковым для истории отечественной этномузыкологии названием «Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья» был опубликован в 1934 году в журнале «Советская этнография». Е. В. Гиппиус становится инициатором восстановления первоначального авторского текста З. В. Эвальд и сокращения в переиздании 1979 года (как и в предшествующем переводном – на немецкий язык – издании 1967 года) трёх первых страниц. Он объяснял их включение в первый вариант журнальной публикации диктатом цензурного толка.

Эвальд использует предложенный Гиппиусом ещё в 20-е годы термин «напев-формула». Именно формульный напев в его гиппиусовской трактовке становится ключом к системному подходу, применяемому ею в анализе территориально-общинного жнивного полесского напева. Используя эту гиппиусовскую категорию, Эвальд строит собственную концепцию. Однако напомним, что в любом научном исследовании метод может иметь решающее значение. На с. 17 (нумерация по изданию 1979 года) Эвальд пишет о своём использовании гипотезы, высказанной Гиппиусом и обнародованной им же во вступительном разделе «Музыкальная культура Пинежья» к вышедшему в 1936 году сборнику «Песни Пинежья. Материалы Фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд» (кн. 1. М., 1936, с. 137). Единственный сигнальный экземпляр этой

книги (хорошо знакомый ученикам Гиппиуса) хранился в личной библиотеке самого Гиппиуса. По сути, приводимые Эвальд нотации песен (взятые из уже существующих сборников или ранее не публиковавшиеся, представляющие собственные экспедиционные коллекции) служили доказательствами гипотезы Е. Гиппиуса.

Освещение самой идеи напева-формулы в различных региональных формах его преломления стало мощным импульсом для становления всей современной белорусской этномузыкологии, в том числе – для исследований песенной культуры Белорусского Полесья. Вот раннее определение, данное Гиппиусом: «Напев – застывшая в известных пределах определённая формула (вполне аналогичная формуле заговора). Эта формула напева представляет чеканный пластический музыкальный образ, вполне самостоятельный, то есть не выходящий за пределы музыкальных средств выразительности». И далее: «Поскольку основным свойством музыки, находящейся в сфере “общественного потребления”, является непрерывная изменчивость – подобная кристаллизация может быть объяснена только как следствие магической функции» [17, с. 17]. Позже Гиппиус не раз уточняет отдельные положения своей концепции типового напева-формулы, следуя по пути всё большей конкретизации на основе познанных им этнических песенных материалов, прежде всего – в областях русско-украинского и русско-белорусского пограничья. В известной статье 1982 года учёный отмечает: «Развитый цикл календарных песен ... представлен либо одним напевом, объединяющим один или несколько пучков поэтических текстов, либо двумя-тремя такими напевами определённого структурного типа, интонируемыми в определённой форме. Каждый из таких напевов распространён в определённом ареале, ареальные границы напевов разных жанровых циклов иногда совпадают, а иногда не совпадают» [7, с. 5–6].

Судя по нотациям, представленным Эвальд, по самому тексту статьи, весенние реализации формульного напева не относятся к обрядам встречи весны. Их первоисточник – «по-видимому, формула заклинания». Эвальд называет в качестве определяющих её свойств *унисонно-гетерофоническую форму* при совместном пении и терпкость *тембровых* характеристик, а также «закрепление данной формулы за одним типом словесных образов» [17, с. 31]. «В основе формулы, – цитируем текст Эвальд, – выдержанная бесконечно долго фермата устоя и вращение в пределах терции вверх от него. Нижняя кварта захватывается не всегда и представляет или разбег к устоя или концовку (приобретая в этом случае функцию доминанты). Поэтому кварта эта никогда не заполнена, лишь иногда захватывается вводный тон к устоя» [там же, с. 18]. В самом этом высказывании запечатлён тип мышления, в значительной мере сформированный под воздействием европейской тонально-гармонической

музыкальной системы. Собственный аппарат этномузыковедения не был ещё к тому времени апробирован. В опубликованном лишь в 1979 году (при активном участии Гиппиуса) втором очерке Эвальд («Заметки о песенных стилях Белорусского Полесья», существовавшем до того лишь в черновых набросках, используется уже иная, вполне современная терминология (основной опорный звук, захват нижней кварты от основного опорного тона, вторжение терцового параллелизма и т. д.) [15, с. 38–39]. Веяния нового времени ощущаются и по нотациям, в значительной мере отредактированным Гиппиусом, что мотивируется в предисловии и вступительных статьях.

Эвальд, прослеживая пути социального переосмысления названной формулы, ориентируется во многом на содержание поэтических текстов, что само по себе для сегодняшнего этномузыковедения почти невероятно. Один из способов «переработки» видится исследователю как развитие названной формулы в дифференцированный напев весенней лирической песни. Другой – как «закрепление данной формулы на одном типе словесных образов: остро реалистических, отображающих тяжёлую социальную действительность. Отсюда переосмысление первоначальной формулы в “стон-причет”, речитатив, перемежающийся с бесконечно вытягиваемыми устоями» [17, с. 31–32]. Последнее свойство, по мысли Эвальд, не было присуще данному жнивному напеву изначально и представлялось ей как свойство приобретённое. Сегодня такое предположение следовало бы оспорить. Тематика крепостничества и семейного гнёта в поэтических текстах становятся для Эвальд приметам «интонационного ... осмысления этого типа песен как стона-жалобы» с последующим преобразованием весенней заклинательной песни в трудовую. Эвальд акцентирует внимание на «классовой принадлежности такого рода интонаций именно бедняцкой части полесского дореволюционного крестьянства» [там же, с. 31]. Живные варианты формулы, отличающиеся, как пишет автор в «Заметках о песенных стилях Белорусского Полесья», по характеру звучания от обрядовых весенних, охарактеризованы ею как «лейтмотив труда и скорби» [там же, с. 35]. В приведённых определениях заметен не актуальный сегодня классовый подход. Подобной предысторией можно объяснить само слышание живной формулы как результата «переработки интонаций в процессе изменения общественной идеологии» и обусловленности подобных переосмыслений тяжёлой, неподъёмной работой в поле, повлиявшей на превращение первоначального заклинания в стон-причет [там же, с. 32]. Натяжки подобного рода, объяснимые временем написания работы, осознаёт и Е. В. Гиппиус.

Рефлексия по поводу этой работы, высказанная З. Я. Можейко в разделе «От составителя» [12, с. 10–11], представляется в определённой степени редактированием смыслов, вложенных в текст статьи

самой З. В. Эвальд: «Анализируя напевы жнивных песен в “аспекте трансформации их интонационной семантики”, исследовательница раскрывает одно из ключевых понятий асафьевской концепции: с социальным переосмыслением песни – переинтонируется и сам напев» [но ведь напев переинтонируется, по Эвальд, внутри *весенних и при переходе формулы из первоначальной весенней в жнивную* песню. А собственно переосмысление жнивных песен наблюдается ею не на интонационном – «как переработка интонаций», а на вербальном текстовом уровне (на это указывает и Гиппиус). Сам по себе исследуемый З. В. Эвальд «образ-интонация» – её собственное определение тех лет, присущий части весенних и всем рассматриваемым ею жнивным напевам, всегда один и тот же и при этом неизменный! – Г. Т.].

Причетная компонента, присутствуя изначально, определяет истоки интонационной формулы, обозначенной Эвальд как «второй» образ-интонация. Сама по себе эта формула никоим образом не соотносится ею с социальным переосмыслением и не рассматривается в таком контексте. Что же касается жанра плача-причета, плача-голошения, то о нём речи в статье Эвальд вовсе нет. Исследовательница вообще не касается этой области народной музыки – она остаётся не представленной в сборнике и, вероятно, не вызвала ещё специального этномузыковедческого интереса в те годы. Как аргументированная, названная идея появится в исследованиях белорусского обрядового мелоса много позже. Определения «стон-причет», «стон-жалоба» в статье Эвальд несут в себе оттенок скорее не жанрово-структурного, а эмоционального плана. Хотя в целом наблюдения и предвидения З. Эвальд действительно вызывают восхищение. Используемые ею записи относятся ко времени, когда

«исследование исторического генезиса стилей белорусской народной музыки» упиралось в почти полную неисследованность, «современную (начала 30-х гг.) изученность» проблем локальных традиций белорусского песенного фольклора [3, с. 198], что, естественно, не могло способствовать попыткам обобщений, формулированию «общеполитских» выводов). Опираясь территориально на ограниченный материал, Эвальд тем не менее смогла расслышать глубокие, сущностные для белорусской народнопесенной культуры закономерности.

Материалы экспедиций 1932 и 1934 годов вошли, по всей вероятности, как часть в плановую монографию Е. В. Гиппиуса «Песни восточных славян», завершённую, как свидетельствуют документы рукописного архива, в 1942 году³. В этот отрезок времени Евгений Владимирович являлся Учёным секретарем РИИИ. После вынужденного, почти десятилетнего официального отсутствия в Институте в связи с ликвидацией, разгоном отдела Крестьянского искусства, он продолжал работать здесь реально: участвовал в научных мероприятиях, обсуждениях, организовывал посещения Института Б. Бартоком, Э. Эмсгаймером, рядом других учёных-этномузыковедов. Именно по инициативе Гиппиуса Эмсгаймер принимал участие в 1-й Всероссийской инструментоведческой конференции 1974 года (тогда же Эмсгаймер в последний раз посетил Институт и Россию). Фундаментальные знания, идеи, родившиеся в РИИИ, будут прорастать в научном творчестве Е. В. Гиппиуса на протяжении 1930-х–1980-х годов. Именно в Российском институте истории искусств в 1983 году прошла единственная при жизни Евгения Владимировича научная конференция в его честь – по случаю самого последнего прижизненного его юбилея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устное свидетельство участника этой дискуссии И. В. Мацневского.

² Исходя из этих предпосылок, Е. В. Гиппиус в те же годы (1936) изучает программно-изобразительный комплекс Медвежьего праздника манси (Гиппиус Е. В. Ритуальные инструментальные наигрыши Медвежьего праздника обских

угов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка / под общ. ред. Е. В. Гиппиуса, ред.-сост. И. В. Мацневский. М., 1988. Ч. 2. С. 164–175).

³ Ф. 82, оп. 3, ед. хр. 130, л. 6–7. Данную ссылку на Рукописный архив РИИИ любезно предоставил М. А. Лобанов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов А. Н. Тувинская народная музыка / предисл. и ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1964. 238 с.

2. Асафьев Б. В. Е. В. Гиппиус – фольклорист-исследователь народно-музыкального творчества // Е. В. Гиппиус. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 30–34.

3. Гиппиус Е. В. Замечания о белорусской народной песне (совместно с З. В. Эвальд) // Е. В. Гиппиус. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 185–207.

4. Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и её исследования белорусского народного песенного искусства // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / под ред. Е. В. Гиппиуса; сост. и текстологич. подг. З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринבלата. М., 1979. С. 6–14.

5. Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 23–36.

6. Гиппиус Е. В. Проблема музыкального фольклора // Е. В. Гиппиус. Избранные труды в контексте белорусской

этномузыкологии. Минск, 2004. С. 61–88.

7. Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность: вопросы типологии. М., 1982. С. 5–13.

8. Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // Балакирев М. А. Русские народные песни. М., 1957. С. 197–347.

9. Комментарий к работе Е. В. Гиппиуса «Обзор важнейших сборников музыкальных записей русских народных песен с 60-х годов XVIII века до начала XX века» // Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 169–171.

10. Луканюк Б. И. К вопросу об аналитическом методе нотирования // Этномузыка. 2010. Число 6. С. 69–99.

11. Мациевский И. В. Уроки Е. В. Гиппиуса // Евгений Владимирович Гиппиус: к 100-летию со дня рождения: мат. Всерос. науч. конф. (1–3 ноября 2003 г., Петрозаводск) / Петрозаводская гос. консерватория им. А. К. Глазунова. Петрозаводск, 2003. С.16–19.

12. Можейко З. Я. Е. В. Гиппиус и его значение для белорусской этномузыкальной науки // Е. В. Гиппиус. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 5–20.

13. Песни народов СССР. Белорусы // Белорусские народные песни. Музыкально-фольклорная серия под ред. Е. В. Гиппиуса / сост. З. В. Эвальд. М.; Л., 1941.

14. Чекановска А. Евгений Владимирович Гиппиус и культурологическая мысль XX века // Е. В. Гиппиус: Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. Минск, 2004. С. 21–29.

15. Эвальд З. В. Заметки о песенных стилях белорусского Полесья // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / под ред. Е. В. Гиппиуса; сост. и текстологич. подг. З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринבלата. М., 1979. С. 33–43.

16. Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / под ред. Е. В. Гиппиуса; сост. и текстологич. подг. З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринבלата. М., 1979. 144 с.

17. Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Эвальд З.В. Песни белорусского Полесья / под ред. Е. В. Гиппиуса; сост. и текстологич. подг. З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринבלата. М., 1979. С.15–32.

18. Иваницкий А. И. Историчний синтаксис фольклору. Вінниця, 2009. 404 с.

19. Песні беларускага народа / АН БССР. Мінск, 1940.

REFERENCES

1. Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan Folk Music]. Edited and with a Preface by E. V. Gippius. Moscow, 1964. 238 p.

2. Asaf'ev B.V. E. V. Gippius – folklorist-issledovatel narodno-muzykalnogo tvorchestva [E.V.Gippius – the Folklorist-Researcher of the Folk Musical Artistic Works]. *E. V. Gippius. Izbrannye trudy v kontekste belorusskoy etnomuzykologii*. [E.V.Gippius. Selected Works in the Context of Belorussian Ethnomusicology]. Minsk, 2004, pp. 30–34.

3. Gippius E.V. Zamechaniya o belorusskoy narodnoy pesne (sovместно s Z. V. Evald) [Notes about the Belorussian Folk Song (together with Z.Evald)]. *E.V.Gippius. Izbrannye trudy v kontekste belorusskoy etnomuzykologii*. [Selected Works in the Context of Belorussian Ethnomusicology]. Minsk, 2004. pp. 185–207.

4. Gippius E. V. Z. V. Evald i ee issledovaniya belorusskogo narodnogo pesennogo iskusstva [Z. V. Evald and her Research of the Art of Belorussian Folk Singing]. *Evald Z. V. Pesni belorusskogo Poles'ya* [The Songs of Belorussian Polesye]. Ed. E. V.Gippius. Compilation and Textual Editing by Z. Ya. Mozheyko. Editing of Belarusian Texts by J. Grinblatt. Moscow, 1979, pp. 6–14.

5. Gippius E. V. Obshcheteoreticheskiy vzglyad na problemu katalogizatsii narodnykh melodiya [The General Theoretic View of the Issue of Cataloguing Folk Melodies]. *Aktualnye problemy sovremennoy folkloristiki* [The Relevant Issues of Present-Day Folk Music Studies]. Leningrad, 1980, pp. 23–36.

6. Gippius E. V. Problema muzykalnogo folklor [The Issue of Folklore in Music]. *E. V. Gippius. Izbrannye trudy v kontekste belorusskoy etnomuzykologii* [Selected Works in the Context of Belorussian Ethnomusicology]. Minsk, 2004, pp. 61–68].

7. Gippius E. V. Problemy arealnogo issledovaniya traditsionnoy russkoy pesni v oblastiakh ukrainskogo i belorusskogo pogranichya [The Problems of Areal Research of the Traditional Russian Song in the Russian-Belorussian and Russian-Ukrainian Border Regions]. *Traditsionnoe narodnoe muzykalnoe isskusstvo i sovremennost': voprosy tipologii* [The Traditional Art of Folk Music and Modernity: Questions of Typology]. Moscow, 1982, pp. 5–13.

8. Gippius E. V. Sborniki russkikh narodnykh pesen M. A. Balakireva [M.A.Balakirev's Compilations of Russian Folk Songs]. *Balakirev M. A. Russkie narodnye pesni*. [Russian Folk Songs]. Moscow, 1957, pp.197–347.

9. Kommentarii k rabote E.V. Gippiusa “Obzor vazhneishikh sbornikov muzykalnykh zapisey russkikh narodnykh pesen s 60-kh godov XVIII veka do nachala XX veka” [Commentaries to E.V.Gippius Work “An Overview of Most Significant Musical Collections of Written-Down Russian Folk Songs from the 1760s to the Early 20th Century”]. *Materialy i stat'i k 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. V. Gippiusa* [Materials and Articles in Commemoration of the Centennial Anniversary of E.V.Gippius's Birthday]. Edited by E. A. Dorokhova, O. A. Pashina. Moscow, 2003, pp. 69–71.

10. Lukanyuk B. I. *K voprosu ob analiticheskom metode notirovaniya* [Concerning the Question of the Analytical Method of Notation]. *Etnomuzyka* [Ethnic Music]. Lviv, 2010, no. 6, pp.69–99.

11. Maciejewski I. V. Uroki E. V. Gippiusa [The Lessons of Evgeniy Gippius]. *Evgeniy Vladimirovich Gippius: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya: materialy vsrossiyskoy nauchnoy konferentsii (1–3 noyabrya 2003 g., Petrozavodsk)* [Evgeniy Vladimirovich Gippius: Commemorating his Centennial Anniversary: Materials from the Russian Research Conference (November, 1-3 2003, Petrozavodsk). Petrozavodsk State A.K. Glazunov Conservatory]. Petrozavodsk, 2003, pp.16–19.

12. Mozheyko Z. Ya. E. V. Gippius i ego zachenie dla belorusskoy etnomuzykovedcheskoy nauki [E. V. Gippius and his Significance for Belorussian Ethnomusicology]. *E.V. Gippius. Izbrannye trudy v kontekste belorusskoy etnomuzykologii* [E.V.Gippius. Selected Works in the Context of Belorussian Ethnomusicology]. Minsk, 2004, pp. 5–20.

13. Pесни narodov SSSR. Belorusy [Songs of the Peoples of USSR. The Belarusians]. *Belorusskie narodnye pesni. Muzykal'no-folklor'naya seriya pod red. E. V. Gippiusa* [Belorussian Folk Songs. The Folk Music Series, Edited by E.V.Gippius]. Compilation by Z. V. Evald. Moscow; Leningrad, 1941.

14. Czekanowska A. Evgeniy Vladimirovich Gippius i kulturologicheskaia mysl XX veka [Evgeniy Vladimirovich Gippius and 20th Century Anthropological Thought]. *E. V. Gippius. Izbrannye trudy v kontekste belorusskoy etnomuzykologii*. [Selected Works in the Context of Belorussian Ethnomusicology]. Minsk, 2004, pp. 21–29.

15. Evald Z. V. Zametki o pesennykh stilyakh belorusskogo Poles'ya [Notes about the Song Styles of the Belorussian Polesye]. *Evald Z. V. Pesni belorusskogo Poles'ya* [The Songs of the Belorussian Polesye]. Edited by E. V. Gippius. Compilation and Textual Preparation for Publication by Z. Ya. Mozheyko. Editing of Belarusian texts by J. Grinblatt. Moscow, 1979, pp. 33–43.

16. Evald Z. V. *Pesni belorusskogo Poles'ya* [Songs of the Belorussian Polesye]. Edited by E. V. Gippius. Compilation and

Textual Preparation for Publication by Z. Ya. Mozheyko. Editing of Belarusian Texts by J. Grinblatt. Moscow, 1979. 144 p.

17. Evald Z. V. Sotsialnoe pereosmyslenie zhnivnykh pesen belorusskogo Poles'ya [Social Reconsideration of the Harvest Songs of the Belorussian Polesye]. *Evald Z. V. Pesni belorusskogo Poles'ya* [Songs of the Belorussian Polesye]. Edited by E. V. Gippius. Compilation and Textual Preparation for Publication by Z. Ya. Mozheyko. Editing of Belarusian Texts by J. Grinblatt. Moscow, 1979, pp. 15–32.

18. Ivanytskiy A. I. *Istorychnyy syntaksys folklore* [The Historical Syntax of Folklore]. Vinnytsa, 2009. 484 p.

19. *Pesni belorusskogo naroda* [The Songs of Belorussian People]. Minsk, 1940.

Е. В. Гиппиус – исследователь музыкальной культуры Белорусского Полесья

В статье освещается роль классика отечественной этномузикологии Евгения Гиппиуса в изучении песенной культуры Белорусского Полесья. Рассматриваются пути становления отечественной науки о народной музыке, совместная научная деятельность Е. Гиппиуса и З. Эвальд, черты индивидуального в мышлении каждого из представителей этой известной российской «музыковедческой группы». Их научное творчество олицетворяет этномузиковедение Российского института истории искусств в 1920–1930-е гг. Уточняется сущность аналитического метода Е. Гиппиуса, где первостепенны:

живое наблюдение, непосредственное слуховое восприятие, подробное исследование способов координации музыки и слова с учётом творческого обновления последующих строф певцами. Все названные способы аналитической работы предшествуют нотации в ранжире. В статье обосновывается авторство Е. Гиппиуса в формулировании научной категории «напев-формула», освещаются истоки интереса З. Эвальд к аудиальному своеобразию полесских мелодий.

Ключевые слова: народная музыка Белорусского Полесья, Е. Гиппиус, З. Эвальд, этнография, напев-формула

Evgeny Gippius – the Researcher of the Musical Culture of the Belorussian Polesye

The article sheds light on the role of the classic of Russian ethnomusicology, Evgeny Gippius in the research of the song culture of the Belorussian Polesye. Attention is focused on the paths of formation of studies of folk music in Russia, the combined research activities of Evgeny Gippius and Zinaida Evald, and the individual features in the thinking of each of the representatives of that famous “musicological group.” Their research activities personify the ethnomusicological work of the Russian Institute for History of the Arts in the 1920s and 1930s. Specification is given of Gippius’ analytical method, which gives primary role to: live

observation, direct auditory perception, detailed research of the means of coordination of music and words, with consideration of the creative renewal of the subsequent strophes by the singers. All the aforementioned means of analytical work precede notation in their order of rank. The article validates the authorship of Gippius in formulating the scholarly category of “tune-formula” and sheds light on the sources of Zinaida Evald’s interest in the auditory peculiarity of the melodies from Polesye.

Keywords: folk music of the Belorussian Polesye, Evgeny Gippius, Zinaida Evald, ethnography, tune-formula

Тавлай Галина Валентиновна

кандидат искусствоведения, доцент кафедры
музыки финно-угорских народов

E-mail: taugal@yandex.ru

Петрозаводская государственная
консерватория им. А. К. Глазунова

Российская Федерация, 185031 Петрозаводск

Galina V. Tavlai

Candidate of Arts,

Assistant Professor at the Department
of Music by Finno-Ugric Peoples

E-mail: taugal@yandex.ru

The Petrazavodsk State A.K. Glazunov Conservatory
Russian Federation, 185031 Petrozavodsk

